

Современная проза

Анна Яковлева

ВОЛШЕБНАЯ ЗОРА

12+

Анна Яковлевна Яковлева

Волшебная гора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63688132

SelfPub; 2022

Аннотация

Что свело в одной палате противотуберкулезного диспансера столь разных и в то же время чем-то похожих женщин? Почему болезнь уложила на соседние койки яркую продавщицу и тихую учительницу, студентку и бабушку, русскую и татарку? Автор повести прошла этот путь сама и попыталась осознать причину случившегося с точки зрения православной христианки. С ее мнением можно соглашаться, а можно спорить, но несомненно одно: часто болезнь имеет духовные причины, в ней есть смысл и она может быть полезна человеку.

Содержание

Вместо предисловия	4
Палата № 19.	7
Антонина.	10
Елена.	17
Алла	21
Алька.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Яковлева

Волшебная гора

Вместо предисловия

В недалеком прошлом туберкулез или «чахотка» считалась болезнью аристократов.

На балах и приемах в неотопливаемых каменных замках и дворцах придворные кавалеры и дамы часами терпели холод, часто простывали. Модницы обнажали грудь, спину и плечи, так что чахотка («слабая грудь») была довольно распространенным явлением среди аристократии. Не избежала болезни великая княгиня Мария Александровна, супруга императора Александра II, и мать Александра III.

Революция извела под корень аристократизм, но палочка живет и здравствует. И даже получила статус «социальной».

Микобактерия не признает классовых, религиозных и национальных границ. По данным ВОЗ микобактерией инфицировано 80 % взрослого населения планеты. Однако заболевают не все. Кого же предпочитает палочка Коха?

Широко бытующее мнение, что туберкулез – болезнь бедных, одиноких и пожилых, – не более, чем миф. Заблуждение.

Тех, кто когда-нибудь лечился или в этот момент лежит

под капельницей рифампицина, объединяет не только болезнь. Их объединяет нечто, что выходит за рамки медицинской компетенции: дефицит бойцовского духа. Усталость души. В обиходе это называется затяжной стресс или депрессия.

Больничные анкеты предлагают ответить на массу вопросов о вредных привычках, об условиях работы и проживания, о членах семьи, о перенесенных травмах и операциях... Но ни в одной анкете не значится вопрос: приходила вам мысль о бессмысленности вашего существования? Или: оцените свое желание жить по шкале «жажда жизни».

Не используют при анкетировании бактериальных больных и психологические тесты. Да и кто вам вот так просто признается: да, впустил в сердце мысль о смерти и не заметил, как апатия и вялость сменилась активным поиском средств и способов ухода из жизни.

Между тем, палочка Коха поражает тех, кто находится в психологически подавленном состоянии. Кто устал сражаться со злой свекровью (тещей), постылой работой, безденежьем, деспотом-начальником (мужем, женой) или соперницей... Кто не получил желаемого, потерял «рожденную в уме надежду», – как тонко подметил прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Кто разочарован так глубоко, что погружается в отчаяние. Неважно, чем эти люди занимаются, и какой у них достаток. Это могут быть учителя, врачи, медсестры, студенты, следователи МВД, журналисты, налоговые инспекторы,

домохозяйки, пенсионеры, водители, продавцы, инженеры, спортсмены, дипломаты и бизнесмены всех оттенков кожи.

Одинаково терпят крушение надежд и впадают в уныние в городе и деревне. В домах класса «А» и в хибарах без водопровода и канализации.

Статистику эту я постигала в противотуберкулезном диспансере в течение пяти месяцев, так что сведения из первых рук. Здесь, в противотуберкулезном диспансере, каждая история болезни – это история депрессии. Депрессия берет начало в унынии и отчаянии.

Так почему же развенчанная надежда, скорбь и уныние становятся питательной средой для палочки Коха?

Спросите любого психолога, и он вам ответит, что во всем виноваты отрицательные мысли и эмоции, они разрушают иммунитет. Более того, депрессия будит дремавшую в организме болезнь. Вот почему православие называет отчаяние и уныние тяжким грехом.

Так что вопросы «За что?» и «Почему я?» можно отнести в разряд праздных. Даже губительных. Формулировка должна быть иная: зачем? Для чего я заболел?

Итак, для чего...

Палата № 19.

Страха не было. Была обреченность. Я почему-то уже знала, что у меня вовсе не пневмония...

Озарение пришло незадолго до Нового года, ночью, когда повернулась на правый бок, а из груди вырвался свист. Показалось, что в правом легком дыра... Сквозная...

Загустевшая от ужаса, кровь хлынула в голову, и я вдруг все поняла... Точно увидела ретроспективу своей жизни. Да-да.

Расплата за грехи. Возмездие.

Но... так уж устроен человек. Я все-таки надеялась, что это пневмония.

Увы мне.

Едва отгрохотали новогодние петарды, еще мишура валялась по углам дворов и скверов, когда я, потев от слабости и задыхаясь под медицинской маской, втащила два огромных пакета с логотипом «Магнит» в палату № 19.

Шесть коек, три слева и три справа от прохода, облезлые стены, тоскующие по малярной кисти. Истоптанный до цемента линолеум.

Раба божья Анна, – представляюсь я, обнаружив на двух других койках бледные лица.

Я Тоня, раздаётся из угла.

Лена, представляется девушка с соседней койки.

А где остальные? любопытствую я.

На выходные домой ушли. Давно лежат. Их уже отпускают, следует ответ.

Небожители, значит.

Моему водворению в палату предшествовал короткий, но судьбоносный разговор в больнице «Красного креста».

Диагност вручил диск с изображением моего легкого на долгую (вечную) память:

Ваш путь лежит через ПТД.

Куда-куда? трагическим шепотом спросила я. Голос пропал месяц назад, предположительно от ларингита.

Через противотуберкулезный диспансер, не стал темнить диагност. Прямо сейчас и поезжайте. Похоже, у вас еще и туберкулез гортани. Это лечится,— добавил он поспешно, глядя на меня.

Вот тогда я испугалась. Не за себя. За ближних. За любимых и дорогих людей, чье здоровье и, может быть, жизни, я подвергала риску.

Пришибленная диагнозом, я поехала в диспансер. По пути все думала: как это могло случиться, что у меня туберкулез? Болезнь люмпенов, наркоманов, влюбленных без взаимности барышень и теперь вот моя.

Палата сильно напоминает студенческую общагу: общий шкаф под стеной, тумбочки у кроватей, между окнами холодильник, на холодильнике телевизор. В центре стол, на столе чайник – китайский «Тефаль». Имеется туалетная комната.

В ближайшие пять месяцев здесь мне предстоит вразумляться и смиряться. В компании других чахоточных: Антонины, Елены, Ирины, Аллы и Алевтины.

Голос Тони извлекает меня из раздумий:

Я в магазин иду. Вам что-нибудь купить?

В носу щиплет от благодарности.

Антонина.

В педагогический колледж Тонечка ехала на тракторе «Беларусь»: брат трудился в колхозе, а другого транспорта в семье не было. Под знаком, запрещающим проезд машин весом более 3,5 тонн, трактор замер. «Беларусь» весил 3,6 тонны.

Дальше сама, извинился брат.

Тонечка спрыгнула с высокой подножки, брат подал ей тазик, сумку и чемодан. Так в обнимку с тазиком Антонина и шествовала по центральным улицам городка.

В Антонине все выдает не просто учителя, а учителя младших классов. Что бы она ни делала, она всегда думает о детях.

Детские передачи и мультфильмы, снятые по подобию американских, Тоня не любит.

Лежит свинка на пляже, с раздражением комментирует Тоня, – томная такая. Потягивается. Движения и позы поражают бесстыдством. И дети это смотрят. И подражают.

Антонина одинаково беспощадна к себе и другим.

Я деревня, халда, откровенничает она, рот открою и ору. А Павлик у меня домашний, тихий, интеллигентный мальчик.

Мальчику за тридцать, и как он ухитряется оставаться ребенком, для меня загадка. Особенно если учесть профессию

– Павлик дальнобойщик.

Туберкулез у Тони дал осложнение в виде менинго-энцефалита, и она трижды за ночь теряла сознание, но всякий раз, приходя в себя, утешала напуганного «мальчика»:

Все прошло. Все уже хорошо.

И великовозрастный ребенок по своей наивности верил Тоне безоговорочно и так и не вызвал «скорую».

Поутру Тоня пешочком, опираясь на локоть доверчивого Павлика, доковыляла до поликлиники. И оказалась в реанимации. Дальше был бред, галлюцинации, рвота и все, что полагается при отеке мозга.

А Павлик пребывал в искреннем недоумении: «Что ж ты не сказала, как тебе плохо?».

На момент нашего знакомства они с Тоней жили в «гражданском браке» уже двенадцать лет. Двенадцать!

Двенадцать лет Павлик вскармливает ненависть своей матери и сестры.

Она тебе не пара, шипят женщины.

Когда удастся, Тоня и Павлик снимают квартиру. Последний год «муж» сидит без работы, квартиру снимать на учительскую зарплату невозможно, и молодые живут с семьей Павлика. В их доме. На каких правах живет Тоня? На птичьих, конечно.

Сестра Павлика, мать-одиночка, в присутствии некоронованной невестки не стесняется в выражениях и не считает нужным сдерживаться. Может собрать Тонины вещи и кучей

свалить в прихожей. Может смахнуть со стола разделочную доску с нашинкованной капустой. Тоня сносит все в смиренном молчании. Ночью сквозь ком в горле спрашивает любимого:

Как ты не понимаешь? Мне плохо. Мне больно. Кто я тебе? Кто я в этом доме?

Чтобы услышать в ответ знакомое:

Ты же знаешь: у нас нет денег на свадьбу.

Мне не нужна свадьба, давится слезами Тоня.

А моим родным нужна, произносит заготовленную фразу Мужчина Всей Жизни.

Тонина мама подливает масла в огонь:

Когда вы уже поженитесь? Поговори с Павлом, скажи ему.

Что ты молчишь?

Мама, я не молчу!

Однажды боль сделалась невыносимой, выплеснулась из сердца и затопила сознание.

Затворив дверь негостеприимного дома, Тонечка побрела по улицам городка. Незрячими глазами глядела перед собой и не заметила, как оказалась на берегу речки-поганки.

Крякали утки, пахло тиной. С удивительной ясностью Тоня поняла, что хочет только одного утонуть. Нет, не утонуть... Утопиться.

Да, утопиться!

В подробностях представила, как шаг за шагом входит в воду. Как намокают замшевые ботинки, потом джинсы. Сна-

чала до колен, потом выше... Потом вода коснется кармана куртки с ключом от чужого, враждебного дома... Потом ее выловят в камышах.

Зато все кончится. Упреки, придирки, зависимость рабская, скрюченное существование...

Наступит свобода без конца и края.

Какое-то насекомое ударилось с размаху в щеку. Тоня непроизвольно подняла ледяную руку, коснулась щеки пальцами – щека оказалась мокрой от слез. Морок исчез. Только темная вода равнодушно блестела на вялом осеннем солнце.

Видимо, не насекомое врезалось в Тоню – ангел-хранитель.

Покидала берег Тоня нехотя, будто последнюю надежду предавала. На обратном пути дала себе слово поговорить в последний раз с Павликом об их общем будущем.

Не успела.

Палочка Коха спутала все планы.

Неопределенность обернулась предельной определенностью: туберкулез. Родители Тониных учеников в панике. По факту заболевания школьного учителя началась прокурорская проверка. По городку циркулируют сплетни, домыслы и слухи один нелепее другого. По одной из версий, Антонина Сергеевна умерла, и нужно собирать деньги на похороны. Очевидно, в связи с похоронами Тонечкин телефон звонит, не умолкая – сердобольные родители хотят пожелать покойнице Царствия Небесного.

При нас Тоня стесняется отвечать на звонки, выходит в коридор.

Возвращается мрачная и долгое время молчит. Понемногу отходит от шокирующей сплетни:

Почему всем так хочется, чтобы я умерла? Это что, лучший выход? Я что, обманула их надежды?

Это испытание, отвечаю я.

Мне, наверное, уже нельзя будет работать в школе?

Почему это,— возмущаюсь я,— у тебя ведь не сумасшествие? От туберкулеза лечат. Ты вернешься к детям. Ты же хочешь вернуться?

Глаза Тонечки наливаются слезами:

Очень. Это мой первый выпуск. Они ходят... Ходили за мной по пятам. Даже в туалет. И всем хвастались: наша Антонина Сергеевна лучше всех. Я с ними в Москву ездила. Вот это был ужас! Тонечка улыбается, показывая ровные белые зубы. Я одна, их шестнадцать! Кому-то денег дали много, кому-то вообще не дали. Кому-то не хватило на биг-мак, слезы, рев! Я их по головам пересчитываю каждые пять минут. Один раз в автобус грузимся, не могу понять: выходит на одного меньше. Два раза пересчитала то же самое. «Ребята, ору, посмотрите, кого нет!». «Все здесь», кричат. Третий раз пересчитываю... Оказалось себя не посчитала...

Тоня снова мрачнеет.

Город маленький, все обо всех все знают. Уеду,— заключает она. Если Паша на мне не женится, уеду.

Тонечка знает, что живет во грехе. На то, чтобы положить греху конец, силенок не хватает – веры мало.

Давно пора, соглашаюсь я.

Машину Павел купил в кредит. Хватило на это ума. На свадьбу взять кредит ума не хватает. Но об этом я молчу.

Обход в палате по-настоящему проходит раз в неделю, по понедельникам. Натягиваем маски и ждем – кто результатов анализов, кто рентгена, кто выписки – есть и такие счастливицы. Наша лечащая, кандидат наук, она же наш Моисей, несмотря на тихое имя Надежда, чьи заповеди мы исполняем и под чьим руководством идем по пустыне болезни к выздоровлению. Надежда входит с вопросом «Как ваши дела?», слушает каждого и может измерить давление.

В остальные дни недели вопрос «Как ваши дела?» ответа не требует.

Довольно быстро соображаем, что жалобы на здоровье со вторника по пятницу портят нашему Моисею настроение. В подведомственном ей государстве у всех все должно идти согласно ее предписаниям, желанию и воле. Сообразив, отвечаем:

Спасибо. Все хорошо, улыбаемся под масками.

Улыбка у меня так себе, на троечку, хорошо, что ее не видно.

Тех, кто лечится больше двух месяцев и уже «не сеет», отпускают домой на выходные. Алла, Аля, Ирина разъезжа-

ются по домам в пятницу после обхода, забрав у медсестры «вкусняшки» по показаниям: тубазит, рифампицин, паск, изониазид, этанбутол, пиразинамид. Основная группа и резервная.

Ирина и Лена аборигены ПТД. Лечатся уже не первый год. С короткими побывками дома. Обе ждут вызова на операцию в институт им. Сеченова в Москве.

Лена домой не едет.

Елена.

У Лены почти полностью поражено левое легкое. Худая, плоская, беззубая, с орлиным носом и большими навывкате голубыми глазами, Лена все время ругается матом.

Дома Лену ждут родители и трехлетняя дочь. По сведениям, Лена попала в диспансер сразу после родов.

Как первое, так и второе пришествие Елены в диспансер сопровождается лав стори.

Сейчас у Лены роман с Колей тщедушным субъектом из соседней палаты.

Вторая группа инвалидности не препятствует нахлынувшим чувствам, а ожидание резекции легкого и риск быть уличенной придает страсти остроту, как перед боем.

Бог присматривает за Леной издалека, и она этим всю пользуется.

Чем ближе время «Ч», тем больше отвязывается Елена. Перед вечерним обходом расправляет постель, создает эффект присутствия. После обхода намыливается на всю ночь к любимому. Им двоим не тесно на односпальной больничной койке. Коля на днях получил пенсию, и джин-тоник течет рекой с пятницы до понедельника. Голубые глаза навывкате наливаются кровью, Лена становится подозрительно молчаливой. В палату является утром, падает и спит до завтрака. Затем молча поглощает кашу, запивает ее холодным чаем и

снова заваливается спать.

– У Ленки мать с отцом тоже пили, пока здоровье было, – сплетничает Ирина, – Ленка и предшественника Колькиного здесь подцепила. Выписалась в прошлом году с Сашкой отсюда. Пожили и разбежались. Сашка тоже пил. Мать Ленки на его выгнала.

Выходит, Лена у нас потомственная пьянчужка.

Ясно, что Господь попустил ей болезнь для вразумления, только Лена не вразумляется. Она как-то умудрилась болезнь превратить в праздник. Мрачный пир во время чумы. На ум приходят строчки: «Где стол был яств, там гроб стоит...».

«Неужели, – с сомнением думаю я, – спасительное поощение никого не спасло? Или все-таки спасет?».

Каждый вечер после ужина и приема таблеток мы включаем кварц в палате и перебазировемся в коридор. Коридор превращается в подобие Бродвея. Здесь мыкаются такие же страждущие-болящие. Здесь играют в карты, коротают время за разговорами и сплетнями. Здесь случаются судьбоносные знакомства и любви.

Любители одиночества терпят фиаско: уединение возможно только в туалете.

Но стоит встать к окну лицом, возникает иллюзия покинутости.

За окном в снежных обочинах лежит трасса. «Кому-то же

пришло в голову построить ПТД вдоль дороги»,— думаю я, провожая глазами машины.

Скоро понимаю, что завидую свободе за окном, и отлипаю от стекла.

Повезло: кушетка напротив палаты не занята.

Так вот. Об уединении, которого нет.

Для меня это не прихоть и не блажь. Здесь негде уединиться для молитвы. Нет молельной комнаты или библиотеки. Не предусмотрена.

Молиться приходится урывками, ловить моменты. Утром я молюсь, когда девчонки еще спят. Но вечером... Вечером я отворачиваюсь к соседкам спиной и утыкаюсь в молитвослов.

За спиной у меня кипит жизнь: орет телевизор, низкими прокуренными голосами что-то обсуждают Лена и Ира, кому-то звонят родные. В этой какофонии не слышно собственных мыслей, не то, что слов.

Альке этот гвалт не мешает. Скрючившись на койке, она рисует с фотографии портрет любимого мужчины.

«Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй мя»,— шевелю я губами.

Помилуй мя...

От угрозы операции.

От аллергии на препараты.

От микобактерии-мутанта помилуй мя.

Богородица, Матушка Заступница, помоги вылечиться к

Пасхе.

Новости заканчиваются, начинаются «Менты». Я бы назвала их «Менты со знаком бесконечности», «Менты ∞».

– Девочки, сделайте потише телевизор!– раздражаюсь я.

Ирина огрызается:

– По губам читать? Купите беруши.

«Или вы себе наушники»,– мысленно огрызаюсь я.

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный...

Достойное по делам моим приемлю...

– Здесь до вас еще не такое было! К нашим девушкам в палату приходили каждый вечер мужики, чай пили и в карты резались, – делится свежими воспоминаниями Алла.

Алла

Алле за пятьдесят. У нее правильные черты лица, но когда-то голубые, теперь выцветшие глаза не выражают ничего, кроме усталости.

В анамнезе у Аллы муж, взрослые дети (сын и дочь) и внук. Все живут одной семьей. В этой семье отсутствие мамы-жены-бабушки приравнивается к вселенской катастрофе. Никто не знает, что делать, как жить и что предпринять в том или ином случае без совета и участия Аллы. Телефон у Аллы звонит с 6-00 до 23-00. Алла руководит дистанционно.

Руководитель она строгий. Больше всех достается дочери.

– Бестолочь, - шипит Алла в трубку, прикрывая ее ладонью. – Ты можешь хоть что-то сделать нормально?

В качестве аргумента используется ненормативная лексика.

Сломанный кран, простуда внука, задержка зарплаты – Алла не освобождается ни от чего даже во время болезни.

Сантехника вызывают в расчете на то, что мама Алла потихоньку смоеется из диспансера после обхода и встретит его. Мама Алла сбежать не смогла. Кран с перекрытой водой лег на совесть... мамы Аллы.

Голос жены-матери-бабушки уподобляется журчанию ручья:

– Просто сиди и жди врача. Нет, чаем не надо поить. –

Алла тихонько смеется. Только с внуком она бывает такой размягченной.

Ручеек превращается в бурную горную речку:

– Что тебе мама сказала? Что ты делаешь? Зачем? Нет! Не нужно полы мыть. Положи тряпку и вымой руки. И позвони, когда врач придет.

Очередной разнос мама Алла устраивает бестолочи-дочери:

– Ты зачем сказала Димке полы помыть? Ты в своем уме? Больной ребенок...

Будь я на месте мамы Аллы, я бы сбежала на край света отдохнуть от домогательства домашних. Возможно, Господь именно это и предусматривал для жены-мамы-бабушки, только ее желание быть незаменимой оказалось сильнее...

Очередное кварцевание палаты. Казалось бы – всего полчаса. Но почему-то это насильственное отлучение от койко-места с каждым разом угнетает все сильнее.

Все как обычно: занавешиваемся масками и выходим в коридор. Как обычно, я утыкаюсь в книжку.

Мимо бродят ... не мужчины, нет. Тени. И, прикрываясь книжкой, я думаю вот о чем.

С нашими мужчинами, соотечественниками, россиянами просто беда. Здесь, в диспансере, это особенно заметно.

Мужчины не только чаще становятся жертвами инфарк-

тов и инсультов. Здесь они тоже составляют убедительное большинство: из двадцати палат только четыре – женские, остальные мужские.

Мужчины доводят себя до отчаянного состояния. Зачем? Почему? Загадка.

Есть совсем доходяги. Например, лежачий больной в палате № 11. За сходство с молдаванином его моментально награждают прозвищем Гастарбайтер. Его мучает постоянный, непрерывный кашель. Завтраки, обеды и ужины Гастарбайтеру приносят в палату нянечки – сил спуститься в столовую у него нет. Зато есть силы по стеночке доползти до курилки...

– Красивая женщина, – роняет кто-то из мужчин, проходя мимо.

Осматриваюсь. Кроме меня, женщин в коридоре нет. Значит, о подругах сплетничают, решаю я.

– Все. – По коридору приближается Аля, Тонина соседка. – Полчаса прошли.

Алька.

Алевтина – истинная женщина. Прозрачная кожа в нежных веснушках, прозрачные глаза.

Тонкая, высокая, похожа на кошечку, только совсем не гибкая. Походка подкачала. Слишком тяжелая для такого эфирного создания. Как будто что-то носит на себе. Тяжелое. Может, душа такая отяжелевшая?

Девочки шепотом из уст в уста передают Алькину историю: у нее туберкулез отягощен ВИЧ-инфекцией (или наоборот?), что неудивительно при ее любвеобильности. Так что у Альки, как у вождя мирового пролетариата, две программы: программа минимум – борьба с туберкулезом. И программа максимум: чтобы ВИЧ под воздействием палочки Коха не привел к скоротечному СПИДУ.

– Первый раз я влюбилась в четырнадцать лет. – В глазах у Альки мечта, лицо преображается. – Ой, какая это была любовь! Мы надыхаться не могли друг на друга. Правда! Это было прекрасно! Мы готовились к близости. Читали макулатуру какую-то, камасутру изучали, но долго не получалось остаться наедине. Ну, просто никак!

По Алькиному времяисчислению долго – это пару месяцев.

– Но потом весной родители все-таки уехали на дачу. И мы остались одни.

На губах у Альки блуждает улыбка.

– И где она, эта твоя любовь?– ехидничаю я.

– А я его через год бросила.– Аля достает увесистую косметичку и вываливает ее содержимое на покрывало. Покрывало Аля привезла из дома, как и постельное белье.

– А как же любовь?– ахаю я.

– А любовь никуда не делась – я влюбилась в другого.

– А куда дела первого?

Аля находит в куче баночек, коробочек и тюбиков лак для ногтей и, увлеченная предстоящим преображением, повествует дальше:

– Никуда. Он так переживал! Плакал! Год ходил за мной по пятам, уговаривал вернуться. Но я уже не могла вернуться. Любовь у нас была прекрасная, но она прошла. И я не жалею совсем. Просто это был не мой человек.

Аля покрывает ноготок ярко-алым лаком, вытягивает руку, рассматривает. Ручки у Али миниатюрные, почти детские. Ноготки кукольные, чтобы раскрасить их, нужна сноровка.

Аля – штучка столичная. Работает Аля продавцом-консультантом в престижном московском бутике. На пару с подругой снимала в Москве жилье. Почти не виделась с соседкой – та работает в ночном клубе. Аля возвращается с работы – соседка уходит на работу.

Привычка следить за внешностью становится иде-фикс. Альке хочется изменить себя до неузнаваемости, кардиналь-

но: «подкачать губы и грудь», быть похожей на всех кинодив или, на худой конец, обладательниц «золотых» карт, которые появляются в их бутике.

Ей невдомек, что это гордыня не согласна с тем, что дал Господь. Не согласные с даром небес, мы красимся и меняем внешность. Но я адаптирую вопрос, считаясь с уровнем аудитории:

– Почему ты себя так не любишь?

Аля теряется, не находится с ответом.

– Не знаю, – пожимает узкими плечиками.

Я тоже не знаю. При таком количестве мужчин, которые у нее были, Аля до странности неуверенный в себе человек. Возможно, количество как раз играет отрицательную роль – переходит в качество, и уверенность в себе подорвана этим «пассажиropотоком».

В прошлой жизни Аля постоянно «клубилась». Дискотеки, ночные клубы, тусовки были обязательным условием покорения столицы. Иначе зачем ехать в Москву? Программу Аля «откатала» на отлично, с почетным диагнозом «ВИЧ». И туберкулез...

Так что Алькиного опыта хватит на две или три жизни.

– Как-то к нам в бутик зашел молодой человек, – начинает очередную историю она, – такой интеллигентный, воспитанный, на крутой тачке. Что-то купил у нас. Приехал снова. Потом еще. Где-то на третий или четвертый раз мы позна-

комились. Его Севой звали. Попросил телефон. Я дала. Мне парень показался очень симпатичным. На «вы» ко мне обращался. «Аля,-спрашивает,- вам нравится музыка?». «Смотря какая»,- говорю.

Аля откидывает плешивую голову – от химиотерапии волосы выпали неравномерно, участками.

– Короче, пригласил он меня в филармонию. Я еле высидела. Не выспалась накануне, с девчонками тусили, а тут какая-то тягомотина средневековая. Я не в теме. Короче, пригласил меня Сева домой после концерта. Шикарная такая квартира трехкомнатная с видом на Фрунзенскую набережную. Кровать – настоящий сексодром. Утром слышу музыку странную. Вроде, скрипка. Завернулась в одеяло, иду на звук. В гостиной перед пюпитром обнаруживаю Севу в трусах, со скрипкой и смычком. Ну, думаю, попала ты, Алька. Такого у тебя еще не было.

– Алевтина, тебе нравится?– спрашивает меня Сева.

– Что нравится?

– Музыка.

– А! Да. Нравится.

– Это я сочинил сейчас. Тебе посвящается. Ты моя муза. Ты моя Звезда. Можно, я буду тебя так называть?

Алька уже покрыла лаком ногти и теперь ждет, пока высохнут. Полюбовавшись на дело рук своих, продолжает:

– Я плохо с утра соображаю вообще, а тут еще скрипка напрягает. И есть охота. «Валяй»,- говорю. И под скрипку

эту иду на кухню. Открываю холодильник, а там мышь повесилась. Кофе, правда, нашла классный.

При всей своей хрупкости у Альки аппетит портового грузчика.

– А Сева на своей волне: «Звезда моя, Алевтина, я напишу концерт для скрипки и виолончели в твою честь». Вот, думаю, только концерта мне не хватает! Короче, недели через две этих воздыханий я сказала, что нам лучше расстаться. Что мы слишком разные. – Аля дует на ногти. – Сева ответил, что напишет этот... реквием. Как Бетховен. Или не как Бетховен.

Еще несколько лет после музыканта Аля с завидным упорством искала «своего человека». Потом соседка обзавелась бойфрендом, и Альке пришлось съезжать с насиженного места. Этот переезд оказался судьбоносным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.